

МОНРАК

Много раз приходилось бывать мне в Зайсанской котловине во время экспедиционных поездок. И всегда я с тайной завистью вглядывался с берегов Зайсана в едва видимую высокую гряду темнеющих гор, протянувшихся вдоль южного берега озера с запада на восток. Этот гористый массив с резкими очертаниями вершин казался мне таинственным и оттого особенно притягательным. Когда вечернее солнце клонилось к бескрайней сухой равнине громадной Зайсанской котловины, горы становились то темно-лиловыми, то сизо-голубыми, и последние лучи, задерживающиеся на склонах, казались светло-яркими клиньями, вбитыми в таинственный полумрак обрывов, щелей и провалов. Охотники, местные жители и чабаны рассказывали о Монраке, что там есть сурки, что еще остались архары, что там высокие скалы и неплохие пастбища. Мне же хотелось узнать о животном и растительном мире этих гор подробнее.

С тех пор прошло немало времени. Давно сбылась моя мечта. И не один, а много-много раз я побывал в этих горах. И, надо признаться, интерес к ним так и не прошел: каждый раз я открываю для себя здесь что-нибудь новое.

Сказать о Монраке можно следующее: он расположен у южной границы Зайсанской котловины и отгораживает соседствующую высокогорную Чиликтинскую долину, протянувшуюся на десятки километров до Тарбагатай. Последний по праву можно считать отцом Монрака. Если ради образности представить Тарбагатай гигантским залегшим зверем, то Монрак — его шипастый хвост, покоящийся на равнине. Протяженность его более чем 100 километров, на востоке он сливается с горной группой, находящейся на стыке хребтов Саура с Тарбагатаем. На западе узкая расщелина долины

речки Кандысу отделяет его от основного хребта. Ширина его не менее 20 километров. У выходящей на равнину западной оконечности он плавно переходит в небольшие сопки и холмы.

Круглый год он обдувается ветрами, горячими — летом, студеными, пронизывающими — осенью, ледяными, дующими с Алтая, — зимой и теплыми, ласковыми, которые прорываются с центральноазиатских пустынь, — в весеннюю пору. Хребет маловодный, можно сказать, сухой. В нем нет сколько-нибудь крупных рек, а самые большие, которые можно перешагнуть или перескочить, легко сосчитать: Кусты, Кызыл-Кайн, Тайжугень. Все они берут начало в высокогорье, называемом Большим Монраком, где по северным затененным склонам до середины июня белеют пятна снежников. И все эти реки по выходе с гор в Зайсанскую котловину вскоре пропадают, поглощенные иссушенной глинистой почвой. В срединной части хребта протекают Узун-Булак и Сары-Булак. Они вытекают на южную сторону, сливаясь с крупной речкой Кандысу. У восточной его оконечности к Зайсану пробивается, пожалуй, самая мощная речка — Уйдене. Вода ее сейчас интенсивно используется для полива возделываемых земель. Кроме этих рек на Монраке имеется целый ряд небольших родников, ручейков и мочажин. На первых километрах пути к Зайсану они умирают в толще прокаленной солнцем котловины. Лишь сухие промоины обозначают их путь после того, как пройдут они здесь ранней весной.

Сухие скалистые ущелья прорезают Монрак. Выжженные солнцем склоны гор большей частью покрыты мелкообломочными стекающими осыпями. Темные, коричневые и почти фиолетовые от пустынного загара, осыпи эти окружают густые заросли колючего кустарника — караганы Камилла-Шнейдера, отбеленного солнцем чия, шиповника. Словом, они всегда в пышном обрамлении растительности. По ложкам и щелям кустарники очень густые, подчас труднопроходимые из-за своих шипов. Где ущельями бегут ключи или реки, кустарники сплетаются ветвями в сплошной зеленый войлок, пробиться сквозь который просто невозможно. Но все-таки главным ландшафтообразующим компонентом гор являются скалы: они венчают островерхие горушки, напоминающие пирамиды, юрты или зубы

диковинного исполина, которые словно торчат из вывернутой челюсти, порой они похожи на шипы, проходящие по спине гигантского зверя, чудом вросшего в землю. В глубоких тесных коридорах отвесные скалы вздымаются метров на сто. На их крутых уступах растут одиночные кустарники и травка. Кое-где утесы закрывают небо над тропкой, а по сухим осыпям звенят голоса скалистых овсянок. Осыпи небезопасны: ступишь ногой, и рекой потечет каменная лавина. В разное время суток горы и выглядят по-разному. В часы заката хребет, расчерченный полосами света и тьмы, играет, становится контрастным. Тогда хочется фотографировать его бесконечно. Горы меняются на глазах: затекают лиловыми тенями, которые вскоре густеют до черноты, разливаются половодьем, среди которого розовым огнем догорают островки одиноких вершин, пока не погаснет солнце.

Сухие горы! Выжженные солнцем травы! Безводье! Путешествовать по Монраку нелегко. Выматывают зной и жажда. Довольно быстро проходят восторг и очарование. Затем приходит усталость, вызванная утомительным однообразием. Тогда горы становятся совершенно одинаковыми: Тут и начинаешь понимать, что как бы ни были привлекательны ландшафты, но если в них нет разнообразия жизни, они кажутся мертвыми. Только жизнь украшает землю.

Местоположение хребта делает его весьма интересным с биогеографической точки зрения как в прошлом, так и в настоящем. Как Тарбагатаю и Сауру, Монраку присущи некоторые виды животных и растений Тянь-Шаня, расположенного юго-западнее Тарбагатайского хребта и Алтая, подходящего с севера. То есть, Монрак находится в зоне между великими горами азиатского континента. Он играл большую роль для местных скотоводов: благодаря ему в краях этих успешно, особенно в прошлом, зимовал скот. Поэтому не случайно о нем, маленьком представителе Тарбагатая, бытует старинная легенда, повествующая о жизни кочевых племен прошлого. Одна из них связана с историей его названия. В долине стояло мирное племя казахов-скотоводов. Все их богатство — скот, который они пасли в долинах на вольных лугах. И вот однажды люди заметили, что на вершине одной из гор появился разведчик чужого воинственного племени, которое промышляло

барымтой (угон скота) и разбоем. Чтобы избежать набега, скотоводы решили немедленно уйти в лабиринты гор, где надеялись спастись от преследователей. Поспешно увязав и погрузив на лошадей и верблюдов юрты, домашнюю нехитрую утварь, вместе со скотом они стали уходить по лощинам в глубь гор. Однако в спешке пастухи не заметили, что от гурта отстала одна овечка. Она лежала на скале и жалобно бляла. Разбойникам удалось напасть на след скрывшегося племени. Они догнали и уничтожили его, а скот угнали с собой. С тех пор эти горы стали называть Монрак, от слова «монырау», означающего в переводе с казахского — «блеяние овцы», дословно — «горы блеющей овцы».

Эти горы встают посреди огромной равнины, и это внезапно и необычно! Одно из главных достоинств Монрака — обилие солнца и разная направленность ветров, атакующих его со всех сторон, оголяющих склоны его и в зимнее время делающих хребет бесснежным, что создает благоприятные условия для зимнего выпаса скота. Часто по долинам и на выровненных участках плоскогорий и платообразных вершинах предгорий встречаются сложенные из камня чабанские дома — кыстау. Как мне рассказывали, казахи в прошлом никогда не пасли скот на Монраке в летнее время. Берегли эти пастбища для зимовок. Никто не решался нарушить этот неписанный закон до наступления зимы и разгула свирепых ветров на равнинах Чиликты и в Зайсанской котловине, когда скоту становилось трудно добывать корм и его перегоняли в горы.

В горах теплее, и некоторые долины безветренны. «Монрак такой хребет, — говорят здесь, — приходи и расстегивай пуговицы!» А южные склоны почти всю зиму большей частью открыты, что всегда обеспечивало хорошую зимовку, джуг эти горы обходил стороной.

ХАНГАЙСКИЕ ГЛИНЫ

В Зайсанской котловине и кое-где в предгорьях хребтов, окружающих ее, пестреют разноцветные останцевые глины, осевшие некогда в третичные времена на дне девонского моря, обмелевшего в палеозое, и древнейших озер. Красные с сургучным оттенком, рыжие,

светлые и белые с зеленоватыми прослойками, они поражают путника, впервые увидевшего их.

Умирающий бассейн заполнял тогда все сбросовые впадины. И нам трудно теперь представить, что здесь, над пересохшими глинами, звенящими под сапогами, как бетон, и над этими холмами, на которых растут хрустящие пылью, хрупкие от безводья стебли растений, когда-то колыхались вольные морские и тихие озерные воды.

Принято считать, что уровень третичного пресного бассейна был непостоянным. Он периодически колебался. Следы его отступления сохранились в ущельях гор с южной окраины Зайсанской котловины. Теперь их встречают и у северного подножия Монрака, где проходила часть границы этого бассейна. Осадочные породы составлены различными геологическими формами, например, кремниевыми, глинистыми сланцами, а также песчаниками — мелкозернистыми и туфовидными конгломератами, зачастую и твердыми глинами, среди которых нередко встречаются и известняки.

Течет, течет вода... Но если воду можно остановить, то остановить время никакие физические и условные преграды не в состоянии. Настоящее в данный миг, в следующий — уже прошлое, история.

Глины, о которых идет речь, тоже прошлое в геологическом понимании. В них спрессованы миллионы лет. Они теперь как яркие цветные фотографии, свидетельствующие о давней памяти земли. Стоит только взглянуть в долину нижнего течения речек Тайжузгень и Саргымас, покрытых густо-красными глинами, чтобы понять, что это сама древность, дошедшая до нас. Каждый раз, оказавшись в предгорье Монрака, мы выкраивали время, чтобы побродить по цветным увалам, ярам. Оголенные, прокаленные солнцем холмы, обрывы возрождают в памяти какую-то сказку, неудавшуюся потому, что в ней нет главного — живых героев. И сказка пропадает.

Многочисленные наши пещерки становятся приютом страдающих от зноя птиц. Приходится иногда поднять отдыхающего филина, вспугнуть сыча домового, найти гнездо каменки, монгольского снегиря. У глыбообразных спекшихся сланцев из сцементированных круглых окатанных водой камней темнеют лисьи норы. Удастся иногда увидеть семьи их, которые дружно высыпают

из нор, и тогда можно случайно подглядеть игры ушастых, длиннохвостых, тощих лисят. И чего только не бывает около их жилища: лапки и хвосты сусликов, тугие желудки их, набитые до отказа зеленью, ножки погибших во время сакмана ягнят. Тут же лежат обезглавленные трупки прытких ящериц и змей, перья и крылья птиц, не только гнездящихся здесь, но и бывающих во время пролетов. Только у одной норы можно собрать целую коллекцию останков разных животных, которых не так уж часто удается встретить. Останки эти высохли, закаменели, выцвели, превратились в мумии и служат только для игр шаловливых лисят. Где-то в стороне возмущенно взлаивает и покашливает хрипло взрослая лиса.

Склоны глинистых холмов искрятся пластинками и кристаллами гипса. Кое-где стоят приземистые кустики анабазиса, напоминающие миниатюрные баобабы, такие же толстостволовые, крепкие, осененные редковатой игольчатой кроной из сочных солончатых листьев. Обмякнув от сухости и зноя, сникают в полуденную жару кустики полыни и становятся еще более серебристыми и шелковистыми оттого, что листья их, подвянув, поворачиваются нижней опушенной стороной к светилу. И стоит только лист смять в ладонях, густой терпкий запах тотчас растекается в горячем воздухе. По извилистым сухим промоинам серовато-зелеными шарами растет карагана Камилла-Шнейдера. На склонах, спрятанных от ветра, в западинках сплошь насыпаны свернутые в сухие трубочки серебристо-зеленые лишайники. Для них достаточно кратковременного дождика, и они, на глазах расправляясь, набухают, впитывая в себя, как губка, влагу. Глина от них становится зеленоватой, пестрой. Зеленеют холмы, выдыхая грибной дух, смешанный с теплым, парным и чуть удушливым дыханием глин.

Среди глинистых холмов по предгорьям Монрака, по задернованным склонам и на плосковершинных отрогах, пересыпанных окатанными разноцветными камешками и остроугольной щебенкой, иногда встречаются стайки саж, еще реже — темнобрюхие рябки. Обитают здесь жаворонки двупятнистые, полевые, малые и светлосерые с легким сиреневым оттенком рогатые жаворонки, или рюмы. Белое горло украшает темное ожерелье. Через глаза, будто повязка, проходит черная

полоса. На голове подвижные тонкие острые рожки. Сухие глинистые склоны и каменистые увалы — наиболее излюбленные места их обитания. Бегущие рюмы напоминают перекатывающиеся камешки.

Отраженный яркими глинами свет нестерпимо слепит глаза. Здесь тоже есть свои обитатели. Наиболее заметны скалистые овсянки с оранжевой окраской клюва и такими же колечками вокруг глаз. Изредка гнездятся группами, которые можно назвать разрозненными колониями, монгольские снегири. Однажды было найдено жилище пестрого каменного дрозда в небольшой норке обрыва, где до этого гнездование их не отмечалось орнитологами. По существу, все это скальные виды птиц, которых, как оказалось, вполне устраивают глинистые голые обрывы. Глины оживляют непоседливые каменки. Их можно видеть — постоянно перепархивающих по уступам и, казалось бы, кланяющихся всякому, кто здесь появляется, каждый раз при этом резко всплескивая крыльями. Гнездятся здесь и каменки-пleshанки, обыкновенная и пустынная. Наиболее красива пустынная, окрашенная в охристые тона, отчего брюшко ее кажется издали нежно-розоватым. Темные пятна на голове, спине и груди придают ей особое очарование, и она прекрасно демонстрирует свой наряд: то хвост черно-белый распустит, то крыльями взмахнет, и все чекает и чекает беспокойно. Короткие быстрые переливчатые песни этих птичек можно услышать не только в легкие рассветные сумерки, но и в знойные часы полудня, и даже ночью.

Яркие глины не только опоясывают горы. Они краснеют в долинах речки Тайжузгень и ключа Саргымас. Именно здесь была найдена впервые в нашей стране скорлупа яиц динозавра.

КЫЗЫЛ-КАИН

Жизнь торжествует там, где есть вода. Убеждаешься в этом, когда, минуя сухие предгорья, въезжаешь в каменистую щель, откуда вытекает речка. Глубокое V-образное каменистое ущелье, склоны которого покрыты острыми скалами и сухими подвижными осыпями, не удивляет. Оно похоже на многие другие. Вни-

мание привлекают пышные густые заросли, сплошь покрывающие дно ущелья. Среди зелени, позванивая, пробивается речка. Вокруг несмолкаемый соловьиный свист и птичий гомон.

Серо-голубоватыми шатрами выше всех поднялись стоящие на бережках ивы — пепельная, тонкосережчатая и прутьевидная. Ниже, где посуше, — густые заросли спиреи зверобоелистой, шиповника рыхлого и жимолости татарской. Несколько выше по отщелкам и в самой долине появляется береза тянь-шаньская. Небольшие деревца по три-четыре метра высотой образуют густые заросли, почти на километр уходящие вверх по речке. Это ущелье называют Кызыл-Каин, что в переводе с казахского означает «Красная береза».

От алтайской белой березы с «напудренной» корой тянь-шаньская отличается тем, что имеет кремово-матовый оттенок. Она будто покрыта эмалью. На ней нет бересты, отслаивающейся обычно у берез бахромой.

В этих зарослях угрюмо стонут токующие западно-сибирские большие горлицы. Иногда бок о бок с сибирской поселяется и обыкновенная горлица, также мрачно, но четко «выговаривающая» букву «р» в своей однообразной песне: «турр-турр-тутуррр...» В зарослях постоянно слышится стрекотание сорок, которые воровато летают среди зелени, сверкая длинными хвостами. Торжественно звучит переливистая трель изумительно нежной белой лазоревки. Эта птичка окрашена в голубовато-белые тона. Необычно присутствие на Монраке тетеревов. По зарослям берега речки они проникают в глубь скалистых гор, расселяясь по ущельям. Также примечательно и обитание зайца-беляка, ведь здесь находится область жизненного пространства другого зайца, обитателя пустынных мест — песчаника, или толая. Таким образом, в островных массивах березы, пришедшей с Тянь-Шаня, живут птицы и звери, проникшие с Алтая.

Удивительны заросли жимолости татарской. В горах Алтая и его предгорьях этот весьма обычный кустарник не превышает двух с половиной метров. Здесь же встречаются настоящие деревья-динозавры, высота которых достигает 4—5 метров. Диаметр их перекрученных стволов, покрытых шершавой серой корой, не менее 10—15 сантиметров. Такие же одиночные деревья-патриархи

встречаются в глубоких ущельях соседних хребтов Саура и Тарбагатай. Монрак — хребет безлесный, и, естественно, эти заросли привлекают многих птиц и зверей. Пойма перенаселена птицами, которые строят здесь свои гнезда, выращивают птенцов и щебетаньем своим оживляют зеленые кущи. Однажды, осматривая березово-ивовые заросли уже в наступивших сумерках, я невольно оказался причиной беспокойства более полусотни обыкновенных пустельг, которые собираются сюда на ночлег со всех окрестных гор.

Много раз приходилось мне бывать в долине этой речки. И когда бы летом ни посетил я эти роскошные заросли, всегда, в любую погоду, под шум воды и листьев, волнующихся от ветра, в темную ли ночь, закрытую темными тучами, или же в лунную, когда вершины гор, подобно сторожам, дремлют в зыбком феерическом свете, здесь всегда звенит соловьиный хор. Представить долину без этих голосов, взрывающих тишину, просто невозможно. Кызыл-Каин — речка соловьиная!

ГОРЫ ОРЛОВ

По ясному небу Монрака изредка проплывают то едва заметный черный крестик сокола, либо ширококрылый, подобный планеру, силуэт орла или черным дельтапланом тихо пройдет бурый гриф. Они низко скользят над скалистыми вершинами, либо закручивают в глубине незримую спираль. А иногда со свистом хищник стрелой падает с высоты на замеченную жертву.

Обычны здесь беркуты, могильники и степные орлы, реже встречаются бурые грифы. Заметные скопления этих птиц наблюдаются из года в год в предгорьях между речками Кызыл-Каин и Кусты, выходящих на северную сторону западной оконечности хребта. Здесь, когда бы ни ехал, орлы обязательно сидят на черно-коричневых уступах скал, неуклюже, вперевалку бродят по сухой степи, наполненной стрекотанием кобылок. Часто их темные неподвижные фигуры венчают макушки унылых глинистых сопков и скал.

Степные орлы реют над горами, устраивая привлекающие внимание воздушные игры. Они способны часами без усталости гоняться друг за другом, поражая

ловкостью маневрирования, которое, казалось бы, вовсе не свойственно им. Однажды я наблюдал орла, подбравшего где-то, вероятно у чабанской юрты, старую, выгоревшую, изодранную тряпку. Держа ее в лапах, он поднимался над облюбованным скалистым гребнем и бросал ее по ветру. Она расправлялась, становилась похожей на какую-то лохматую птицу, неумело планирующую на лету. В то же время орел стремительно пикировал за ней, хватая ее когтями, иногда у самой земли. И все повторялось заново.

В предгорьях на участке 4—5 километров приходилось встречать 20, а то и 30 крупных хищных птиц. Причину скопления их объяснить нетрудно: здесь обитает великое множество сусликов, которые становятся основной добычей орлов. На каменистых уступах, в тени их, они находят прохладу. Близость речек тоже имеет немаловажное значение для животных, нуждающихся в питьевой воде. Ничто не тревожит здесь спокойной жизни птиц.

Зайсанская котловина и предгорья кольцующих ее хребтов — благодатная местность для пернатых хищников. Обилие мелких грызунов, воды привлекает громадное количество молодых хищных птиц, которые проводят тут все лето, набираются опыта и мудрости, линяют.

В конце июля — начале августа наступает засушливое время в Зайсанской котловине, и суслики залегают в спячку. Разлетаются и пернатые хищники, и только те из них, которые гнездятся в окрестных горах, продолжают вместе с молодыми держаться в своей местности.

В последние годы охотники отлавливали сусликов, и хищники начали постепенно исчезать.

«БАРАНЫ» У ДОРОГИ

Во время одной из поездок наша машина продвигалась проселочной дорогой, то и дело взбегающей на сопки и плавно сползающей с них в неглубокие ложки.

— Смотри, бараны у дороги лежат! — толкает в бок меня шофер. Действительно, пять или семь огромных

темно-коричневых баранов лежат у обочины дороги вблизи редких зарослей таволги. Откуда они, от стада, что ли, отбились? Недоумевая смотрю по сторонам, нет ли поблизости юрты?

Но вдруг бараны при приближении машины один за другим вскакивают, как-то странно прыгают и, вытянув шею, распахивают громадные темные крылья.

— Вот так да, летающие бараны!— весело кричит шофер, нажимая на педаль газа. В воздух поднялись бурые грифы. Распластав широкие с рваными концами крылья, медленно, без единого взмаха, они плывут вдоль хребта, набирая высоту. Птицы втянули оголенные шеи, и силуэты их обрели какие-то грозные, дикие очертания. Вереницей молчаливые пернатые владыки гор уходили в вечернее небо.

Мы остановились и, зачарованные необыкновенным зрелищем, долго смотрели им вслед.

РЕДКАЯ ВСТРЕЧА

Монрак удивляет контрастами — то безжизненной тишиной, царящей на берегах рек, то бурными всплесками отчаянного гомона. Он завораживает натуралиста большими и малыми загадками флоры и фауны, дарит ему неожиданные встречи. Вот одна из чрезвычайно интересных находок — полосатый полоз, впервые встретившийся в нашей стране в пойме речки Тайжузгень в 1955 году. До сих пор известно было, что живет эта змея на юге Монголии и на полуострове Корея. Позднее, в 1975 году, было отловлено еще три полоза в Восточном Казахстане, на Южном Алтае в Кучумских предгорьях. Отличительными признаками полоза, этой тонкой и быстрой змеи, являются светлые полосы на спине и по бокам тела, длина его достигает 90 сантиметров. Бывая в горах Монрака, я с особым пристрастием присматривался к змеям, которые мне встречались. Однажды мне, кажется, посчастливилось увидеть полоза, но благодаря своей необычной стремительности он молниеносно ускользнул. Потом я возвращался к стоянке

каменистой тропой склона, выходящего к Зайсанской котловине в урочище Ушбулак. Багровое солнце медленно опускалось за кромку далекого плеса, едва проглядывающего за Зайсаном. С каждой минутой густели сумрачные тени по щелям и провалам Монрака. Неожиданно на тропе я заметил светло-серое кольцо. Я едва не наступил на него. Никаких сомнений не оставалось — это был полосатый полоз.

Он попытался уйти, изящно и легко скользнув среди камней. Я преградил путь, чтобы получше рассмотреть, а если возможно, и сфотографировать его. Это разозлило полоза: он снова свился в кольцо, нервозно, часто и мелко забил кончиком хвоста. Затем раздул пасть и с шипеньем стал набрасываться. Мне только этого и надо! В «Зените» была заряжена цветная пленка. Я стал снимать с разных сторон, запечатлевая змею в движении.

Солнце почти опустилось за горизонт. Знойным полынным воздухом дышали каменные горы. Я возвращался к стоянке в прекрасном настроении.

Каково же было мое разочарование, когда, приехав домой, в специальной литературе я прочитал о полосатом полозе: «...узкая, светлая полоса начинается на голове...» У встреченного мною она проходила только по спине. Несомненно, я имел дело с другим — узорчатым полозом, обычным обитателем этих мест.

Много раз бывая на Монраке, я не терял надежды на встречу с полосатым полозом. Надеюсь и теперь. Хочется верить, что живет здесь вид животного, как бы породнивший сухие полупустынные ландшафты земли, расположенные немислимо далеко друг от друга.

К ВЕРШИНЕ ШОРБАС

Одинокая круглая вершина Монрака поднялась над его скалистыми плечами. Поперек хребта тянется длинная, глубоко врезанная каменистая щель урочища Тюек. Здесь, на высоте 1500 метров, и расположился наш лагерь. Тишина и покой обжили эту красивейшую долину. По склонам и в самой долине поднялись сочные нескошенные луговые травы. С весны до середины лета

ничто не беспокоит тишины и покоя летних пастбищ — джайляу. Только свистят на косогорах толстобокие сурки, да с громкими криками над скалистыми вершинами носятся пустельги и клушицы, оглашая небо далеко слышными звучными криками.

В середине лета, когда травы по колено, а горные гривы искрятся от сплошного ковыля, сюда заезжают чабаны. Одна за другой на джайляу вырастают юрты, следом пригоняют скот. С приездом чабанов, появлением гуртов баранов, которых сопровождают собаки, долина оживает. По утрам и вечерам кизячный дым, расползаясь, стелется по щелям. Слышны гортанные крики чабанов, сгоняющих гурты, да ржание лошадей.

От чабанских юрт тропинка убегает вверх по ущелью. По сторонам к самому небу поднимаются скалы и утесы. Над скалами в легком полете кружат красноклювые галки — клушицы. Сверкая темно-синим, словно лакированным, оперением, они несколько картаво кричат свое «чуврлии-чуврлии», рисуют большие и малые круги в глубоком безоблачном небе. Можно часами наблюдать за воздушными асами. Насладившись простором, птицы пикируют на утесы, полусложив остроперые крылья. Одна из них, по-видимому самка, на лету скрывается в чернеющей узкой щели. Самец, усевшись на камень около и смешно вытянув шею, пытается заглянуть в гнездо. Его кораллово-красный клюв, кажется, сгибается от любопытства и стремления увидеть, что же там делает его подруга. Изумительно гладкое, иссиня-черное перо играет бликами на солнце. Вскоре из-за гор появляется парочка степных пустельг — мелких и ярко окрашенных соколов. Маслянисто-красная спина, голубоватая головка, оранжевые кольца кожи вокруг крупных темных глаз, серо-голубой хвост и такого же цвета зашеек делают их похожими на попугаев. Присаживаясь и взлетая по уступам утеса, порхает горихвостка-чернушка, порхает и без умолку негромко и нежно поет. У нее горлышко и грудь черные, словно птичка обгорела, а вот хвост продолжает светиться красно-рыжим огоньком.

Тропинка тянется вдоль ручья. Вода в нем чистая. Спустившись с крутых гор, ручей все еще торопливо перескакивает через обомшелые камни, играя бурунами, качает зашедшие в воду развесистые кусты с шаровидными соцветиями дягиля. Выпустила синие факелы

соцветий джунгарская живокость. Наклонилась над ручьем серо-сизая ива ломкая. Около воды травы сочные. Из них преобладают осоки, среди которых тускло светятся глубоко вросшие в землю валуны. Рядом с одним из них белеет череп архара.

Ущелье порой сужают щербатые, покрытые пустынным загаром скалы, а когда они раздвигаются вновь, открываются великолепные травянистые поляны. Прорывающийся сюда ветер волнует густую осоку, ходит по ней кругами, словно танцует. Повсюду в долине и по склонам белеют кисти горца альпийского. В народе его называют кислицей за приятный кисловатый вкус молодых сочных побегов. В траве желтеют совиными глазами раскрывшиеся лютики. Крупные и красивые цветки адониса сибирского растут пучками сразу по несколько штук. Тонкими резными листьями окружены его стебли. Адонис внесен в Красную книгу. Это реликтовое растение, которое сегодня сохранилось лишь в виде небольших куртин и полян на увлажненных луговинах по тенистым склонам гор, где прохладнее. В своем ареале адонис стал редким не только из-за его красивых цветков, но также из-за ценных лекарственных свойств.

Пожалуй, главным украшением горных склонов Монрака является пион степной. В начале лета, куда ни глянешь, всюду сиренево-красное, бордовое, густо-малиновое многоцветие. На Монраке степной пион сохранился, но в большинстве мест он уже исчез. Поэтому степной пион включен в Красную книгу.

Условия среды той или иной географической местности по-разному влияют на произрастающие виды растений, их группировки. К особенностям местных растений следовало бы отнести чрезвычайно насыщенную окраску лепестков. Отдельные лепестки ярко-малинового цвета кажутся бархатистыми. Это ценное лекарственное и декоративное растение, несомненно, должно служить еще человеку в селекции новых сортов пионов с целью улучшения их декоративных форм, а также использоваться в фармакологии.

По сухим склонам гор среди камней, по осыпям, у скал много ревеня алтайского. Крупные, похожие на слоновьи уши листья его лоснятся под солнцем, словно покрытые глянцем. Усиленные заготовки его местным населением сокращают имеющиеся запасы. Ревень за-

несен в списки редких и исчезающих растений и подлежит повсеместной охране.

Из многочисленных кустарников обычен барбарис сибирский. Его шаровидные колючие кусты обрамляют скалы, встречаются и в долине. Ветки его, усыпанные маленькими восковыми цветками, выделяют густой и сладковатый нектар. Цветущий барбарис привлекает множество насекомых-опылителей, заросли его наполняются легким жужжанием и гудением.

Встречается по ущельям княжник сибирский — вьющееся растение, ветки которого унизаны белыми, похожими на бабочек-белянок цветками, он оплетает кустарники и раскаленные солнцем камни подвижных россыпей. Кошмой на уступах расстелились заросли светло-зеленого можжевельника казацкого и ложноказацкого. Мрачноватым теснинам и гладкостенным утесам придают дикий вид иглолистые, свисающие конскими хвостами кусты эфедры хвощевидной. Запасы ее незначительны. Горы не должны лишаться своего колоритного зеленого украшения. К тому же это растение является ценным лекарственным сырьем.

Совершенно неожиданным оказалось и нахождение папоротника. В тени у скал по щелям, где надуты полоски земли, растет пузырник ломкий с крепкими нитевидными листочками. Молодые листочки, подобно курчавым волоскам, закручены в тугие спиральки, которые постоянно, по мере роста, распрямляются. Найдены также костенец северный, венерин волос.

Изумительна в своей нежности камнеломка сибирская, которая мужественно выдерживает сухой, жаркий климат. Ее резные округлые листочки свисают зеленой бахромой по каменным стенам. Выгнав невысокую цветоножку, она развешивает на ней похожие на белые фонарики пятилепестковые цветки с венчиками, спаянными воедино, разрезанными по самому краешку, будто по ним прошлись ножницы, и цветок стал кружевной.

Проходишь щелью Тюека и все удивляешься. И радость от встреч с растениями, произрастающими в горах Алтая, производит такое же впечатление, как если бы вдруг в далеком чужом городе нашелся старый знакомый. Радостно увидеть высыпки цветущих огоньков сибирских. Ботаники называют их троллиусами алтайскими, в народе зовут проще — жарки. Остановишь-

ся, разглядывая махровые оранжевые шапки цветов с карими глазками, неумело прячущихся от солнца.

Здесь же впервые пришлось познакомиться с оригинальным растением — очитком гибридным. Его ближайший родственник, известный нам горноколосник, который еще называют молодилом, репкой, заячьей капустой, — житель голых каменистых мест. Очиток гибридный можно назвать ампельным растением. Он неплохо украсил бы какие-нибудь ограждения, стены и горки, выложенные из камня. Поселяется он по узким щелям отвесных скал, с которых на тонких, как шнуры, стеблях, спускаются розетки.

В одном из отщелков я наткнулся на мощный ивовый сад, залитый солнечным светом. Светло-зеленые кроны ив ажурными шарами закрывают землю от губительного солнца. Здесь приятно отдохнуть от зноя и духоты в тени и покое. В кронах сада перекликаются обыкновенные чечевицы. Порхают вечно взъерошенные серые славки и поют соловьи-невидимки. Вглядываясь в невысокие кроны, замечаешь мельтешащих, подобно зеленым листочкам, маленьких пеночек-зариночек. Неожиданно из сорочьего гнезда выпархивает ушастая сова. Рыжим невесомым лоскутом проплывает она над щелью и, преследуемая трещащими сороками, снова бесшумно ныряет в заросли. В гнезде у нее семья. Лупастые белые пуховые соята с черными «мордашками» гневно щелкают, усевшись на край гнезда.

Прорвавшийся сквозь скалистые коридоры ветер наполняет щель шумом листвы зарослей, и чудится, что не на безлесном Монраке находишься, а на Алтае. Взгляд цепляется за черно-маслянистый от пустынного загара уступ скалы, с которого водопадами сбегают кусты барбариса, кизильника черноплодного, эфедры и можжевельника. На край уступа сел крупный дрозд-деряба, и перед ним, вскинув головки, с открытыми лютиковыми ртами появились требующие корма птенчики. Птица резво рассовала им корм и с характерным глуховатым трещанием улетела. Птенцы разом исчезли. Одеты в светло-серый пушок, они словно обросли невзрачной прошлогодней травкой и стали вместе с гнездом, сделанным из такой же травы, совершенно незаметными.

Со всех сторон пустыми глазницами смотрят многочисленные сурчиные норы. Сурков много, они прово-

жают и встречают каждого пронзительным свистом. Обычно хищники не трогают у своего логова или норы добычу или жертву. Так и сурки не съедают траву, которая растет вблизи норы. Поэтому выбросы земли при копке нор и сами норы незаметны со стороны. Однажды попалась нора, вокруг которой густой пышной клумбой цвели яркие пионы. Вставший у норы зверек выставил толстое с полуоблезшей шерстью брюхо и растопырил перепачканные в земле лапы. Он походил на садовника, только что разогнувшего после работы спину. Глаза его словно выкатились от напряжения, а из раскрытого рта выглянули два желтых крупных зуба. Я снимаю его несколько раз телевиком. Затем «садовник» с удивительным проворством «проваливается сквозь землю».

Тропинка бежит к вершинам по зеленой долине, разрезанной надвое ручьем, который угодливо огибает скалы. Солнечный свет заглядывает к их подножию, где прячутся нежные влаголюбивые растения, затем опять ползет к вершинам гор, но уже с противоположной стороны. Высота около двух тысяч метров. Воздух свеж, дышится легко.

ОПАТ

Так называется это урочище. За ближайшим поворотом скалы слегка расступаются, словно встав друг против друга перед сражением. На зеленой ладони долины белеет юрта. От нее ползет сизый дым, застревая среди трав, поднявшихся у ручейка. В цветастом платье и бархатном жилете хлопчет у очага хозяйка. За юртой на деревянных кольях загона висят кувшины. Тут же с громким хрумканьем, фыркканьем, бряцая удилами, лошадь срывает и аппетитно пережевывает сочную приручевую траву.

Приветствую чабана, сидящего за круглым низеньким столиком, поставленным на расстеленные кошмы. Как давно знакомые, осведомляемся друг о друге. Знакомимся. Жумабай приглашает к столу. Пьем чай. «Давай кайлюгей,— говорит он хозяйке. Она приносит полную пиалу сметанообразной, чуть желтоватой массы.— Баурсак берите, курт. Угощайтесь!»

— Мы живем в совхозе имени Крупской, — рассказывает Жумабай. — Квартира хорошая. Сын учится в Усть-Каменогорске, а дочь — в Алма-Ате.

— Сколько тебе лет, Жумабай?

— Ой, — улыбается он, — уже шестьдесят!

О многом поговорили мы за чаем. А когда я поинтересовался, водятся ли в здешних местах архары, Жумабай насторожился: «Есть архары, мало-мало есть! Стрелять не надо!»

Мне понятна его тревога. Он смотрит на мой телевик, бинокль, полевую сумку. Объясняю ему, что меня вообще интересуют животные. И Жумабай называет мне ущелье, где он видел архара. Благодарю Жумабая и его жену за гостеприимство.

— Возвращайся к нам, мясо есть будем, — говорит Жумабай, протягивая темную от загара руку.

Цветистой бабочкой на соседнюю скалу спускается удод. Он кланяется развернутым роскошным хохолком, и ярко-рыжие перья с темными пестринами солнцем встают на головке птицы. Тревожным грудным голосом, опустив к ногам головку, удод закричал: «худо тут, худо тут!» Не поверю, думаю, такая чудная долина, такая гостеприимная. И ты бы здесь не крутился, если бы тебе было «худо». А удод поднырнул к загону, засеменял короткими ножками и вскоре с жуком в клюве полетел кормить семейство.

Округлые горы, покрытые типчаком и ковылем, шелковились под ветром. Еще с полкилометра ручей струился среди отлогих бережков. Травы резко обмельчали. Высота 2000 метров. Тревожно зацыкали горные коньки. Здесь я встретил не только адонис, незабудки, примулу, огоньки, но и синие высыпки прострела Костычева, цветки которого меньше, чем у прострела раскрытого или, как его еще называют, сон-травы. Со стороны черных туч, распустивших вдали дождевые космы, подул сильный ветер. Синие цветки прострела пригнуло к земле, и они, будто перекусившись, начали светиться сизым шелковистым ворсом густого опушения, покрывающего наружные стороны лепестков.

Около камней, покрывая землю белой накипью, скопились мелкие кружевные цветки андрозеи с броскими с виду желтыми пыльниками. На оголенных местах ее

было очень много, и поэтому земля казалась посыпанной белыми монетками.

Я поднялся на перевал. Вширь и вдаль открылись далекие горы и вершины Монрака. Выше всех в гордом одиночестве взметнулся Шорбас. Еще выше большими кругами ходил почти черный с седоватым хвостом, украшенным поперечной лентой, беркут. Шум восточного ветра расстилался по вершинам. Травы тряслись как в лихорадке. Сипло высвистывали унылые мелодии изъеденные временем редкие скалы. Иду узкой каменной гривой, спаянной с вершиной Шорбас. У его подножия, словно дары солнечного дождя, желтеют одуванчики, адонисы, бурачок двусемянный, патриния, огоньки и другие лютиковые. Вокруг желтоцветье. Не хочешь, да подумаешь: может, потому желтоцветье, что солнце царствует у вершин. По западинкам ветер шевелит низкорослый шиповник, усыпанный нежно-кремовыми цветками. Кое-где стоят оборванные ветром кустики мелколистой жимолости, кизильника. На косогорах типчак и осоки расчесывает тугой ветер.

На огромные расстояния просматривается горная местность — сотни, а может, и тысячи мелких гребешков, горушек и плоскогорий, залитых щедрым солнцем. Между ними черными извилинами каньонообразные щели, получерные тени скал и террас. Это благодатные места для архаров, здесь есть все для их существования — горные остепненные луга, скалы, ручейки. Словом, и стол и дом. Есть где спрятаться от непогоды. В прошлом охотники называли Монрак архарьими горами. Но браконьерская охота сделала свое дело. Архар стал здесь редкостью. Охотовед Александр Иванович Герасименко рассказывал мне, что в 1972 году видел здесь даже одиночного барса, пришедшего за архарами. Но все-таки главным их врагом остается волк.

Крупного рогаца, растерзанного волками, я нашел однажды недалеко отсюда, у глубокой промоины. Архар, видимо, бежал к скалам с соседнего пологого увала по снегу. Не заметив забитую снегом щель, он увяз в ней, потерял скорость на какой-то миг, и этого оказалось достаточно, чтобы быть настигнутым хищником. Темно-рыжая грубая шкура архара и крупные рога, похожие на странные колеса, лежали на краю промоины на поляне, заросшей коноплевидной крапивой. Один рог его, слегка надломленный, сохранил следы пуль. Не

исключено, что перед тем как попасть в зубы хищникам, зверь был ранен браконьером и это облегчило охоту волкам.

ШОРБАС

Я на самой высокой горе Мопрака. Надо мной небо — широкое, синее. Подо мной великолепная панорама гор. В этот час на западе, куда уже склонилось солнце, слились воедино потемневшие далекие вершины. Кое-где между ними зияют темные провалы щелей. На северных склонах подковами белеют последние шматки снега. Ниже, по затемненным и увлажненным местам, толпятся осинки. Издали они кажутся светло-зелеными пятнами. На востоке неопишуемая гряда взъерошенных гребней невысоких гор. Слово вихрем их закрутило, перемешало, подняло и бросило. Всюду террасы, шипы, гребни, стены и тумбы, углообразные и овальные, серые, красноватые, сиреневые, коричневые и черно-синие. Отдельные гривы напоминают спины доисторических гигантов. Кое-где в каменную крутоверть вкраплены нежно-зеленые лужайки. И снова встают островки вихрастых горушек и причудливых пирамид. Когда смотришь на юг, видны обширные, наклоненные к Чиликтинской долине плато, поросшие разнотравьем.

Прекрасны джайляу. Дальше желтая, как перезревшее хлебное поле, долина Чиликты. За ней подернутые дымкой горы Тарбагатай. От них веет вековой задумчивостью, величием древности.

На севере лежит Зайсанская котловина. Выгоревшая, пересохшая, она залатана зарослями полыни и грязно-желтыми глинами. За равниной беспокойное серебро вод озера Зайсан. Под ветром и солнцем оно кипит и искрится ртутью. Еще дальше за озером, в сизом, перебродившем от зноя воздухе, словно парят снеговые шапки Курчумского хребта.

Южный Алтай. Созерцать древний горный край можно бесконечно долго. Горы становятся сине-лиловыми, и только склоны, обращенные на восток, освещены и плещутся белыми ковылями. Повсюду вечер расстилает белые тени.

Ветер внезапно стихает. Над горами повисает гне-

тущая непривычная тишина. Словно в пустом полуразрушенном храме, неожиданно звучит голос одинокой кукушки. Никто не прислушивается к ее кукованию, не загадает желание. Только хранят молчание каменные туры, стоящие на сопках.

Настало время спускаться к лагерю. Осторожно обхожу щербатые выступы скал, за которыми низко, у самой земли, разметавшимся пламенем стелются прижатые ветром заросли можжевельника. Архарьей тропой иду вниз. Гора позади быстро «растет», и вскоре я оглядываюсь, чтобы еще раз взглянуть на нее, самую высокую вершину Монрака,— Шорбас.

«КАМЕННЫЕ ЦВЕТЫ»

В верховьях речки Кызыл-Каин тропа едва заметна. Она то прячется в жгучих зарослях коноплевидной крапивы, то вдруг прижимается к скалам, прыгает через ручей, то с прежней неутомимостью настойчиво бежит вверх. Подвижная осыпь заросла по краям густым барбарисом и эфедрой. Здесь я остановился. Пропорхнула встревоженная каменка-пleshанка, то и дело всплескивая черными бархатистыми крыльями, обнажая белую спинку. «Жек-жек-жек»,— негромко покрикивает она. Тут же проворно прыгает по осыпи зернисто-бурая крошечная индийская пеночка. С ловкостью мышки она скрывается в темных провалах камней и появляется, но уже где-нибудь в стороне. «Чирп-чирп»,— покрикивает деловитая пичужка. Я заметил, как, набрав в маленький клюв насекомых, она ныряет в заросли барбариса и вскоре выпархивает вновь и принимается обшаривать камни, тревожно покрикивая. Значит, где-то в кустах у нее гнездышко с птенчиками. Недалеко тревожно захвотал кеклик: «квох-квох-квохках-ках-ка-ка-ка!» Он легко вскочил на камень, и его пузатенький силуэт стал заметен на фоне неба. Кеклик настойчиво оповещал обитателей ущелья о моем появлении. Где-то в другой стороне ему громко и гнусаво ответил сурок. Кому-кому, а мне хорошо известно, что все они говорили на разных языках, но об одном— в ущелье появился человек. Гость непрощеный. А это означало— опасность! Я огляделся. На

округлой вершине скалы, венчающей каменистую гряду, вдруг стали расти странные фигуры, подобные цветку ириса с отогнутыми книзу лепестками. Пока поднимались из скалы эти каменные чудо-цветы, объявляя свою красоту, подле них начали робко расти бутоны без лепестков.

Взял бинокль и отчетливо вижу над скалой силуэт крупного архара-круторога. С рожками поменьше по бокам — самки, а между ними и вовсе безрогие малыши-архарята. Судя по всему, они насторожены до предела. Смотрят в мою сторону, где квохчет сидящий на скале сторож-кеклик. Архары полностью доверяют голосам и крикам, сигналившим об опасности. Крутые изгибы ребристых рогов архара, напряженная могучая шея и чутко прядающие уши, ловящие жадно малейшие шорохи, делают его похожим на каменный цветок гор. Одна из самок делает шаг, другой. Ее короткие кривые рога толстыми каменными косами свисают с головы. Она резко поворачивается и смотрит куда-то в сторону, как бы нарочно демонстрируя профиль, профиль красавицы скалистых гребней. Вот такой должна быть выполненная в камне Нефертити гор — подумалось мне. Под ее бок тем временем тычется головка малыша. Окаменела. Только видно, как нервно раздуваются ее влажные темные ноздри.

Опять раздражается квохтаньем кеклик. Дикае ба-раны дружно повернулись, замерли и опять в неподвижности своей уподобились изваяниям. Мне показалось, что вижу уже не цветы, а каких-то каменных птиц с опущенными и полураскрытыми округлыми крыльями. Птицы неподвижно парят на фоне далеких мутно-белых облаков. Внезапно все камнекрылые птицы мгновенно поворачиваются в сторону крутой горы, возвышающейся несколько в стороне, а мгновение спустя уже летят к ней на своих неподвижных крыльях, невысоко мелькая над профилем гор. Цокают тонко копыта, шелестят осыпающиеся камешки, и один за другим силуэты вскоре исчезают. Я с благодарностью смотрю на эти горы.

Снова слышу шныряющую в камнях индийскую пеночку и покрикивающего кеклика на выступе скалы.

Радость переполняет сердце после свидания с архарами. Архары — цветы гор. Их символ и древняя красота. Горы без них станут беднее, ниже и проще. Без них пропадет их величие, дикая красота.

С каждым годом их становится все меньше. В Монраке они еще есть, здесь они живут как на острове. Уже только поэтому территорию эту необходимо сделать охраняемой, так как архар занесен в Красную книгу СССР и Казахстана.

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ КАНЮК

Эта редкая хищная птица до сего времени не отмечалась на гнездовании в Казахстане. Хотя известные орнитологи, посетившие эти места еще в начале века, П. П. Сушкин и живший в городе Зайсане В. А. Хохлов считали, что она гнездится в горах Тарбагатай. Однако ни тот, ни другой не приводили в своих сообщениях конкретных данных о гнездовании. Предположения их основаны были лишь на случайных встречах с этим хищником в летнее время, то есть в период размножения. Раньше их добывали в этих краях и в остальные сезоны. Позднее обнаружить их гнезда стало труднее.

Однажды августовским днем в составе небольшой зоологической экспедиции Академии наук Казахской ССР мы ехали среди пожелтевшей холмистой Чиликтинской долины. Искали дроф. Чиликтинская долина — последний уголок на востоке нашей республики, где еще изредка встречаются эти редкие птицы. Внимание наше привлекла довольно крупная темная птица. Она легко парила в воздухе и, подобно пустельге, вдруг останавливалась и, часто махая крыльями, высматривала добычу. Затем мягко, как на парашюте, опустилась на землю и стала ловить саранчовых, которых было великое множество всюду. Это был центральноазиатский, или мохноногий канюк. На нем заметны были седоватые полосы, идущие вдоль темных крыльев и поперек хвоста. Находясь на земле, канюк довольно свободно перебегал, преследуя свою крохотную жертву. Потом, тяжело взмахивая широкими крыльями, поднимался и снова зависал в воздухе. Способ охоты его выглядел как-то непривычно, странно и несерьезно: можно сказать, такой крупный, почти с орла, хищник, а охотится на «кобылок».

Мы остановили автомашину и некоторое время в бинокль наблюдали за ним. Хорошо рассмотрев его, я убедился, что видел канюка и летом 1978 года, когда

наблюдалось массовое размножение желтой пеструшки, и раньше в Зайсанской котловине на сопке Чакельмес, а также пару — в одном из сухих ущелий Курчумского хребта, выходящего в сторону Зайсанской котловины. Там, где держалась пара, найдены и их громадные гнезда, которые непонятно почему оказались пустыми. Поэтому я уже не сомневался, что хищник этот гнездится и в наших краях. Но голословно говорить об этом не следовало. Нужны были факты. Теперь я познакомился с ним в природе, уяснил его основные видовые признаки. А ведь его часто путают с похожим на него и населяющим эти же места канюком-курганником.

И вот я снова на Монраке. Два дня наша экспедиция стояла в долине небольшой речки Сары-Булак, разделяющей скалистые предгорья хребта и выходящей на юг. Сары-Булак впадает в речку Кандысу по выходе ее из Чиликтинской долины.

Это одно из наиболее интересных ущелий Монрака: скалы с поздраватой поверхностью словно покрыты корочкой красновато-коричневого «пустынного загара». Камни и скалы накинули кружева чия, местами обросли шиповником, жимолостью татарской и мелколепестной караганой. Изредка на них поселяются удивительные кустарничковые растения — курчавки. Крылатые плодики густо обвешивают их ветки, отчего растение кажется одетым в бело-розовые цветки с сиреневыми подкрылками. Темно-зеленые метлы пушистым воротником окружают горячие от солнца камни.

С Володей Нетисовым, фотографом-анималистом, не спеша идем узенькой тропкой вверх по речке. Тропа постоянно и неожиданно перескакивает с берега на берег, и нам, придерживая висящую на ремнях фотоаппаратуру, приходится то и дело перепрыгивать не без риска поскользнуться и свалиться в стремительную воду.

Там, где кустарники отступают и тропинка взбегает на сухие склоны, из-под ног нередко выпархивают кеклики, за ними следом как горох сыплются малюсенькие птенчики. С визгом пролетают монгольские снегири, поют пестрые каменные дрозды. Вдруг из-за сопки вынырнул темный с седыми переслежинами на крыльях и хвосте центральноазиатский канюк. Он оглядывал залитые утренним солнцем склоны. Володя ус-

певаёт навести резкость и пару раз щёлкнуть затвором. Он доволен предоставившейся необычной возможностью так близко сфотографировать редкую птицу.

Вскоре замечаем на затенённом скалистом обрыве целый ворох сучьев и отбеленных солнцем палок, непонятно как уложенных на уступе. Быстро поднимаемся на противоположный склон и в бинокль рассматриваем пуховых птенчиков. Их три. Тут же прячемся за скалу и ждём, когда к гнезду прилетят родители, надеясь, что оно принадлежит именно центральноазиатскому канюку. Вкратце сообщаем Володе о важности этой интересной орнитологической находки. Прошло более получаса, но взрослых птиц не видно. За это время птенчики несколько раз вставали и, неуклюже шагая, перебирались из угла в угол и сразу же валились на животы. Пока мы таимся за скалой в ожидании родителей птенцов, прямо напротив нас на скалу садится в великоленном брачном оперении с распущенным ярко-рыжим хвостом самец пестрого каменного дрозда. Перед таким трудно устоять пестрым самкам. Остается пожалеть, что в фотоаппарате черно-белая пленка.

Не пугаясь нас, дрозд некоторое время громко и приятно свистит, потом взлетает и, медленно взмахивая крыльями, как бы пританцовывая, поднимается над щелью, и тотчас чистая флейтовая песня звучит среди утренних скал. Затем певец, планируя кругами, опускается на другую скалу.

На гребешке скалы вместо дрозда возникает самец скалистой овсянки. У него отличное настроение, и он поёт несложную дребезжащую песенку. Он тоже наш «трофей». Щёлкнули фотоаппараты.

Искусство фотоохоты намного труднее, чем искусство стреляющего. Оно требует много времени, терпения и наблюдательности. Сейчас, когда мы засняли пестрого каменного дрозда и скалистую овсянку, они стали нашей «добычей». Но они, даже не заметив этого, полные сил и красоты, продолжали петь гимны утру и природе, создавшей их.

Прошло с полчаса. Над скалами одновременно появились два центральноазиатских канюка. Заметив нас, они стали набирать высоту. Одна из птиц, по-видимому самец, имела темную, другая — пеструю окраску. Самка чаще и ближе подлетала к гнезду, издавая

глуховатые крики, напоминающие «кяу-у, кяу-у!» Самец вскоре опустился на гору. Его силуэт мрачно темнел на ее вершине. Я внимательно разглядел его в бинокль. В первую очередь меня интересовало, есть ли оперение у него на лапах (цевке), ведь его называют мохноногим. Это один из главных систематических признаков вида в семье остальных канюков. На крыльях тускло белело светлое зеркальце, образованное основаниями маховых перьев. Такое же по цвету размытое пятно просвечивало и в перьях хвоста. У самки на концах крыльев хорошо были заметны полукольца, на брюхе темнели поперечные полосы. Это тоже основные признаки этих птиц, хотя окраска канюка этого вида весьма и весьма вариабельна. Обе птицы вскоре набрали высоту и, отлетев примерно на километр, принялись охотиться. И, как свойственно им, они зависали в воздухе, плавно «падали» на сухие каменистые склоны и снова также плавно всплывали вверх на своих широких крыльях. Заметив родителей, птенцы поднялись. В грязно-сером густом пуху со светлыми заплатками на темени и щеках, с только-только показавшимися на крыльях и хвосте кисточками развернувшихся перьев, птенцы поглядывали в небо, скосив головки. Затем стали потягиваться после сна и неуклюже переползать в затененные углы, потому что солнце осветило уже половину гнезда.

Около сорока метров разделяли нас и гнездо. Нам удалось сделать несколько общих снимков птенцов в тот момент, когда они выбирались на край.

Наблюдая проснувшихся канючат, мы сделали для себя еще одно маленькое открытие: у основания их гнезда поселилась парочка полевых воробьев, что бывает не так уж редко. Но особенно интересным оказалось то, что на метр ниже от гнезда в каменных квартирах устроились еще и каменные воробьи. Соседство необычное! Оно выгодно мелким птенцам, присутствие около их гнезда крупного хищника спасает их от охотящихся за ними ястребов и соколов. И это действительно мудро, где еще другую, более надежную защиту сыскать? Не сыщешь!

Наши наблюдения и охота закончены. Мы уходим. Два хищника — темный и пестрый — по-прежнему кружат над сухими каменистыми сопками, дожидаясь, пока мы удалимся на безопасное для них расстояние. Ведь в гнезде их заждались проголодавшиеся птенцы.

Мы ехали широкими предгорными долинами, затянутыми сухим ковылем. Долины называют Акчий, Карадала и Апакай. Подъехали к ферме Сагандык и далее — в урочище Сарбоктор, стиснутое каменистыми сопками, за которыми начинается Жаманбай.

Дмитрий Федорович Горбушкин — мой проводник — егерь Тарбагатайского государственного заказника. Около сорока лет прожил он в этих краях. Бывший пограничник, он отлично знает каждую щель, бугорок, урочище или распадок. Казавшиеся издали приземистыми горы по мере приближения к ним вырастали и вскоре поднялись во весь рост.

— Здесь, — говорит Дмитрий Федорович, вырубивая ЗИЛ в одно из ущелий, — совсем недавно, лет пять назад, не больше, водились кабаны. Камыша не стало. Нет и зверя...

Хорошо наезженная дорога заметно идет в гору. Августовские, тронутые желтизной травы полны звона цикад и кобылок. Изодранные ветром и обожженные солнцем скалы поднимаются в небо. У дороги в густых зарослях мяты и сплошного голубого полотна цветущей галателлы сверкает стремительный ручей с одноименным названием — Жаманбай. То расширяющаяся, то слегка сужающаяся долина полна влажных испарений. Склоны одеты сплошным войлоком зарослей кизильника черноплодного. Листья его в свете солнца отдают тонким глянцем. Стало прохладнее. Выше по горам на легком ветру волнуется золотящееся усохшее разнотравье. В долине кое-где на лошадях убирают сено.

Справа желтеют клинья и квадраты зреющей пшеницы. Это, пожалуй, единственное место на хребте, где сеют хлеб, а значит, и самое плодородное.

— Зимой здесь тепло, — продолжает егерь, — у нас в Акжаре в это время холодно. Приедешь сюда и не поверишь — не теплый, а прямо горячий ветер дует. Горячий! Во-он те склоны зимой вообще без снега. На северных есть маленько. Прекрасная долина! Ветер этот «Карасаем» у нас зовется. Всю зиму скот пасут. По скалам кеклика много.

Травы набирают высоту. Луговины дышат свежестью.

— А сколько косача было! — качает головой Дмитрий Федорович, — теперь одиночки и те редко попада-

ются. В пятидесятых годах, когда я еще служил, их тьма была. Из города на машинах на охоту приезжали. Вот всех и повыбивали.

Ладонью он обтер давно не бритые щеки.

Мимо плывут широкие разливы зеленотравной, взятой августовской позолотой долины. Слушаю рассказ старого егеря и пытаюсь представить места эти, когда они были полны дичи и зверя. Но мне это не удается. В наше время в это поверить уже трудно.

— Если создадим заказник здесь, в горах, дичь будет,— говорит Дмитрий Федорович.— Оружия незарегистрированного у населения меньше стало. К тому же и сознание у людей поднялось на уровень. Думаю, дело будет. Только спешить с этим надо, пока архары остались и сурки.

Скалистые светло-серые горы ребрились у высоких вершин. А над ними в воздухе против ветра стояли несколько пустельг, высматривая излюбленную добычу— кобылок. Прохладный воздух струился по долине, играя высокими травами.

— Ну вот и приехали,— обращается ко мне егерь,— это место я никому не показываю. Только здесь есть маралий корень.

Мы выходим к мочажине, густо заросшей травой. Вокруг качаются бордово-красные головки кровохлебки. Нежно голубеет галателла. Топорщатся кустики соссюрени и волнуются высокие злаки. Егерь, по пояс в траве, спускается к ключу.

— Вот смотри,— показывает он.— Видишь?

— Серпуха корончатая?— несмело отвечаю, потому как впервые вижу здесь это растение: высокое, с расчеченными перистыми листьями, с густо-сиреневыми корзинками, источающими тонкий медовый аромат. Коричнево-фиолетовые стебли в рост человека. Корень оказался таким же мохнатым, как у левзеи сафлоровидной и так же отдает лекарством. Не более 50 кв. метров мочажины занимают заросли этого растения.

— В других местах Монрака его нет,— утвердительно кивнул егерь.— Если скосят этот луг или скот загонят, все пропало.

Я тоже нигде не видел этого растения на Монраке. Несомненно, это был еще один реликт, принадлежащий к семейству левзеев, и для ботаников он имеет научный интерес.

Над луговинами, лениво взмахивая крыльями, летали молодые луни. Они гнездятся здесь. Нам приходилось находить их гнезда. С приятным джиньканьем, чистым и нежным, над одним из склонов пронеслись стайки горных коноплянок. На мочажине у ручья грустно и звонко, уже по-осеннему, просвистел кулик-черныш. В скалах глухо заклохотал кеклик, голос его, ударяясь о скалы, исчез в пустых отщелках. Где-то свистнул сурок и ударил с поля перепел.

Въехали на небольшой водораздел. Здесь оканчивался Жаманбай. Начиналось другое урочище — Жа-накай. С гор по петляющим дорогам спускались стада овец. Грузенные доверху чабанским скарбом, грузовые автомашины натужно гудели, одолевая подъемы.

Лето в горах кончилось. Только тут, в долине, еще по-летнему жарко, трезвонят кобылки и веером бросаются в разные стороны из-под ног.

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ

К числу интересных орнитологических находок на Монраке можно отнести каменного воробья. В восточном ареале нашей республики — туркестанская форма каменного воробья, который очень широко распространен и населяет также горы Тянь-Шаня. Гнездование в горах Монрака существенно дополняет рисунок его мозаичного ареала в Казахстане. То есть почти на 500 километров переносится севернее, чем это было известно до сих пор.

Впервые каменный воробей отмечен 27 мая 1981 года в верховьях речки Кызыл-Каин, берущей начало свое в глубине гор западной части хребта.

Шел я тесной щелью, стиснутой щербатыми, покрытыми черной окалиной, скалами. Высохший ил, оставленный весенним потоком, покрывал дно этой щели. Вдруг слышу знакомый мне прежде по Тянь-Шаню и Памиро-Алаю голосок: «ви-зе, ви-зе!» По обрыву, который сверху завешивал иглистый куст эфедры, нахохлившись и опустив крылья, прыгал, заглядывая в темнеющие в скале дырки, воробей. Отвесная скала была совершенно гладкой. Удивительным образом ему удавалось цепляться коготками за какие-то неви-

димые шероховатости. Словно не замечая меня, хотя я находился в каких-нибудь пяти-шести метрах, он по-прежнему настойчиво продолжал звать свою подругу, которая сидела в одном из отверстий гладкой скалы. Спрятавшись на противоположном склоне за кустом жимолости, наблюдаю за ним. Мне удалось рассмотреть его. В общих чертах каменный воробей такого же размера и окраски, как самка всем известного нам домового воробья. Однако в окраске преобладают глинисто-сероватые оттенки. Есть и различия. На конце хвоста светлая кайма, которая далеко заметна, так, будто воробей, развернув перья, нарочито демонстрирует ее. Заметна светлая бровь и такая же полоска на головке. На крыльях белыми сержантскими лычками — два «зеркальца», а на горле — бледно-желтое пятнышко. Клюв крепкий, конический, светло-серой окраски. Летает воробей необыкновенно легко и стремительно, обладая при этом большей подвижностью, чем домовый воробей. Крылья, которые он часто при ухаживании держит опущенными, у него длиннее и более острые. Ему во время сезонных миграций приходится совершать дальние перелеты.

Наблюдаемый мною воробей то и дело, словно подхваченный вихрем, легко взлетал и исчезал за гребнем скалы. Но через три-пять минут появлялся вновь и заглядывал в отверстие.

Так впервые был встречен этот интересный вид воробья, который до сих пор здесь никем из орнитологов не отмечался.

В июне 1982 года уже две пары их я наблюдал у гнезда центральноазиатского канюка.

Шла пора подготовки к гнездованию, и птицы со свойственной им деловитостью крутились около дыр, облюбованных для гнездования. То и дело доносились их голоса: «вжжил, вилээ, вину, дррр!» Если появлялся сокол в небе, воробей перестраивался, и сигнал опасности слышался как «дррр, ты-тык-ты!» В моменты охватившей его нежности и любви он взлетал, подобно жаворонку повисая в воздухе и трепеща крылышками. И с посвистом «цвиу-тир, твиу-чирр» устремлялся к самочке.

По ключу Сары-Булак почти на каждом шагу встречались эти воробьи. Их оказалось много. Их крики, мелькающие силуэты среди скал и над долиной были

весьма обычными. Из чего следовало, что воробей каменный живет здесь не первый год и просто по случайности никому из специалистов не попадался на глаза.

В верховьях ключа, в широкой приручьево́й долине, где разместились постройки скотоводов, наряду с сизыми голубями были замечены и два бурых. Это очень редкие птицы на востоке Казахстана. Достаточно сказать, что только один раз их встречали на Черном Иртыше. Играя перьями на раздутых от воркованья зобах, их сизые собратья громко выкрикивали: «у-уу, у-уу! крруу!» Они, казалось, подавали команду. И тут же начинали, словно в танце, кружиться, захлебываясь своим воркованьем. В постройках и кошарах жизнь пернатых шла своим чередом. На коньках крыш рядами сидели сизари. Пестрыми бабочками в танцующем полете проносились удо́ды. Стаями летали домовые и полевые воробьи. Появление человека было для них полной неожиданностью. И стоило зайти под свод кошары, как навстречу во все щели и окна ручьями выплескивались воробьи. Их было так много, что, того и гляди, с ног сшибут.

Среди домовых и полевых воробьев оказались близкие их собратья — индийские воробьи. Но их было здесь немного. Отличались они белизной щек и брюшка и более яркими, красноватыми перьями головы и спины. Это тоже неизвестный вид для Монрака. На гнездовании индийский воробей известен для более южных частей Казахстана, а тут, на востоке, не отмечался. Если не считать двух пар этого вида, встреченных мною прежде в глинистых обрывах нижнего течения речки Эспе в 30—40 километрах севернее этого места. Однако в следующем, 1977 году, там гнездилась только одна пара, а потом и они исчезли. И вот снова встреча!

КРАСОТА ГОР

Небо над головой широкой голубой дорогой вытянулось между вздыбившихся скал. В сумраке теней высоких уступов пугающе и дико стонут сизые голуби. У отвесных стен вьются скалистые ласточки. С визгом вспарывают воздух черные стрижи. Вдруг на краю

небесной дороги возникает темная точка. Она стремительно растет. В небе возникает нарастающий гул, словно голубое полотно неба рвется. В следующее мгновение узнаю сокола. Серой молнией мелькнул он надо мной и вдруг, распахнув крылья, слегка развернув пестро-рыжий хвост, сбил другую птицу, в лапах которой темнела жертва. И тотчас силовый протяжный крик повис над горами, а примчавшаяся птица оказалась ниже той, что была с добычей. Разжав когти, добытчик бросил ношу, и в одно мгновение, ловко перевернувшись вверх лапами, ее перехватила подлетевшая соколиха. Затем круто развернувшись, уже отягощенная ношей, она полетела к скалам. Отдавший добычу сокол, сделав круг-другой, как бы наблюдая за улетающей птицей, сразу же взял курс в сторону Зайсанской котловины. В бинокль не спускаю глаз с соколихи, забравшей добычу. Как только она опустилась на уступ над нависшим каменным козырьком, к ней поспешили три полуоперенных птенца. Это была семья балобанов — крупных рыжих соколов. Старые блеклые перья самки имели светло-глинистый цвет, новые — светло-рыжий. Она разрывала принесенного зверька, расковырявая куски мяса птенцам. Они изо всех сил старались проглотить крупные куски и иногда в бессилии опускали крылья, безумно выкатив темные глаза. Вскоре насытившись, они разбрелись в разные углы гнезда, где не было солнца. Соколиха, поджав лапу, втянула голову и, сонно прищурив глаза, задремала. Лишь изредка она поглядывала в небо, где мог появиться самец с добычей.

Гнездо их, кое-как устроенное из набросанных сучьев, было незаметно со стороны. Выдавали его только белые сметанообразные потоки, словно скала под гнездом была неумело побелена.

Прошло около часа. Вставали и сонно ковыляли из угла в угол птенцы, устало валились и, что называется, на ходу засыпали. Вдруг откуда ни возьмись на гребешок скалы, выступающей подле гнезда, опустился сизый голубь. Неожиданно для себя оказавшись перед крючкоклювой семейкой, голубь со страху окаменел. Да, это был особый случай: жертва сама прилетела к соколиному дому, где лишний кусок мяса всегда кстати.

Стоило только хищнице-соколихе сделать одно движение — и голубь в ее когтях. Теперь он глупо торчал

на острие скалы. Казалось, он понимал, что не так-то просто унести ноги. Хищники всегда преследуют уходящую жертву. Ему ничего не оставалось, как сидеть и ждать развязки. Я замороженно следил, что же предпримет соколиха. От напряженного наблюдения в бинокль устали глаза и руки.

И вот дремавшая будто бы хищница подобрала оперение, тряхнула хвостом и, взглянув в небо зоркими глазами, закивала крупной головой. Голубь втянул голову, сжался и смотрел не мигая, боясь шевельнуться.

Вот соколиха соскользнула с уступа прямо к голубю. Он только и сделал, что присел. Едва не задев его крыльями, она стремительно взмыла в воздух и стала набирать круги на распахнутых острых крыльях.

Незадачливый голубь тоже оживился: он завертел своей маленькой головкой и вдруг взлетел и присел на край уступа, где было соколиное гнездо. Но, испугавшись птенцов, тут же вскочивших при его виде, он шумно взмахнул крыльями и поднялся над скалой. Тем временем соколиха встретила самца-балобана и так же, как и в первый раз, забрала у него очередную жертву и снова опустилась к гнезду.

Еще около часа я наблюдал за их гнездом. И еще раз она встречала сокола с добычей, так же кормила своих большеглазых птенцов и снова дремала на уступе скалы.

Балобаны занесены в Красную книгу СССР и подлежат охране. В этих же горах гнездится еще более редкий сокол, повсеместно охраняемый,— сапсан. Ежегодно пара-две их гнездятся в горах Монрака. Мало сегодня этих красивейших птиц на земле. Мы должны сделать все зависящее от нас, чтобы они всегда радовали нас своим присутствием.

ДНЕВНАЯ НОЧЬ

Ночи над Монраком чисты и светлы, как над пустынями. Они полны волшебства и очарования.

В закатный час, когда солнце на вечернем пороге косо скользит лучами по ковыльным гривам гор, они вспыхивают холодным и зыбким огнем, рассыпая шел-

ковистый блеск. В это время Монрак уподобляется громадному косяку мчащихся против ветра сказочно красивых белогривых кобылиц. Нигде я не видел столько ковыля, сколько здесь. Наступают минуты, когда солнце окончательно уходит за далекий горизонт Зайсанской равнины и раскаленные им щебнистые склоны вдруг начинают дышать терпким воздухом полыни. Незримыми потоками течет эта горечь с полынных полей. Кажется, его можно пить как воду и хмелеть как от вина. Всюду этот запах: пахнут полынью небо и земля, скалы, одежда и волосы.

Из залитых мраком скалистых щелей вдруг скорбно и монотонно выкрикивает одинокая совка-сплюшка. Где-то возмущенно взвизгивает домовый сыч, и грубо, по-мужски бранясь, в утесах ухаёт филин-пугач. С первыми робкими звездами над потемневшими горами встает теплая ночь. Мягко и бесшумно парит в этот час над горами тишина. Таинственны звезды и луна, чернеющие скалы и тусклый блеск ковыля, голоса и шорохи. Неразгаданным древним диким молчанием полнятся впадины и расщелины.

Серебристая ковыльная ночь... Неожиданно в темном провале звонко запела проснувшаяся каменка. Гнусаво загикал монгольский снегирь. Вскоре голоса их послышались с высоты, эхом ударяясь о скалы, блестящие от лунного света.

Как и днем — свет и тени. Свет робкий, тени черные. Вместо пылкого стрекотания поющих цикад знойного полдня неустанно урчат козодои. Нежно, чуть грустно и печально поют у ручьев зеленые жабы, а в камнях — сверчки. Заменяя птиц, отрывисто цыкают летучие мыши, как тени снующие над головой. И опять слышны голоса токующей каменки и снегирия. Прокуковала кукушка. Ночной ветер, пробираясь чиевниками, шелестит грубыми пересохшими стеблями в этот призрачный час, когда все в мире иначе, хотя и светло.